

Кризис дипломатии ЕС как катализатор нового уровня международного сотрудничества на Балканах

Как это не раз бывало в истории, западно-европейская цивилизация — ее значимость для международного развития, идейная сила, даже мирное будущее — вновь поставлены под вопрос. И самими европейцами, и всеми значимыми международными акторами. Вызовы, с которым столкнулся сегодняшний Европейский союз (ЕС), где, как представляется, одним из самых серьезных является всеобъемлющий кризис доверия (как внутри объединения, так и со стороны внешних субъектов), вкупе с резко изменяющейся структурой международных отношений, способны перечеркнуть региональные достижения Западной Европы последних шести десятилетий и даже спровоцировать новый виток насилия в этой части континента.

Одним из значимых факторов дальнейшего развития международных отношений на общеевропейском пространстве является судьба евроатлантической интеграции в целом и расширения ЕС как ее части. По данному вопросу как в экспертных, так и в политических кругах ведется острая дискуссия. В практической плоскости она имеет непосредственное отношение к исторически самому сложному и взрывоопасному региону Европы, которую европейские бюрократы называют Западными Балканами, парадоксально находящемуся одновременно де-факто внутри ЕС, а де-юре — за пределами без особых надежд на полноправное (именно с точки зрения возможности влиять на принимаемые решения) членство.

По большому счету, кризис ЕС как расширяющегося геополитического проекта случался не единожды. Вопре-

ки расхожему представлению о том, что сегодняшнее нежелание европейцев даже думать о включении новых членов связано с текущими проблемами, можно утверждать: подобные настроения имели место на протяжении всей истории объединения. «Усталость от расширения» в этом отношении — новый термин, возникший в результате неудавшейся попытки принять Конституцию ЕС в 2005 г. На самом деле, «с самых первых дней Европейских сообществ вопрос о “расширении” и “углублении” “клуба” всегда приводил к острым дискуссиям. Франция дважды накладывала вето на вступление Великобритании в 1960-х гг. Де Голль опасался не только геополитической реконфигурации, которую вызывало британское вступление в Сообщества, но также конца европейского интеграционного процесса... Франсуа Миттеран категорически осуждал идею греческого и испанского членства... Опасения относительно восточного расширения и, в частности, его потенциально дестабилизирующего эффекта витали в воздухе все 1990-е и начало 2000-х годов»¹. Так что современная дискуссия внутри ЕС и за его пределами относительно возможности включения Западных Балкан отнюдь не нова. Но в силу различных обстоятельств к данной проблеме стоит отнестись на порядок более серьезно. В отношении западнобалканского региона она включает не только все традиционные элементы, такие как нежелание граждан стран-членов ЕС брать на себя фактически обязательство содержать новичков; опасения по поводу новых волн миграции; политической однородности ЕС. Помимо этого, появляется и совсем иной ракурс. Для бывших югославских государств Евросоюз стал «экспортером» кризиса. Причем кризис распространяется вне зависимости от той стратегии, которую выбирает объединение: вариант быстрого полного включения Балкан, широко обсуждаемой сегодня разной геометрии интеграции или максимального затягивания вопроса. Парадокс заключается еще и в том, что в случае балканских стран альтернатива членству в ЕС при сегодняшнем общем состоянии международного сотрудничества — еще более сильная дестабилизация и дробление

региона, что уже проявляется в текущей политике как самих региональных лидеров, так и традиционных или недавно пришедших на Балканы международных сил.

ЕС, на наш взгляд, опрометчиво, в первую очередь, для себя и европейской безопасности проявляет в отношении Западных Балкан известную долю цинизма. Приняв непосредственное участие в дроблении Югославии по самому пессимистическому сценарию (поспешное признание Германией независимости Словении и Хорватии, создание нежизнеспособных государств Боснии и Герцеговины и Республики Косово, отделение Черногории от союзного с Сербией государства), сегодня европейская дипломатия пустила ситуацию на самотек, предоставив балканским государствам возможность (или участь) разбираться с клубком своих проблем самостоятельно. Произошло это при общем понимании нескольких ключевых исторических и современных особенностей развития региона. Обобщенно, история государственности всех балканских стран — история клиентелистских отношений с «великими» державами. Краткие периоды объединения южных славян сменялись этническими войнами и рокировками внутри региональных союзов. Все это отнюдь не способствовало формированию эффективной государственной машины, выделению четких и долговременных внутри- и внешнеполитических целей. Побег от Югославии — яркий тому пример. «Югославская дезинтеграция создала ощущение немощи, слабости и бесперспективности. Спасение виделось в новой интеграции... Не в некой новой Югославии, а в Европе или спонсорско-клиентелистских отношениях с США (или Россией в случае Сербии и Республики Сербской, или Турцией — в боснийском варианте). Именно поэтому Европа в представлении многих была неким вариантом анти-Югославии и альтер-Югославии одновременно»². С оглядкой на недавнюю кровавую историю региона и внутриполитические отношения подобный сюжет выглядит, с одной стороны, парадоксально. Государства, мечтавшие об обретении независимости, подлинной и всеми уважаемой, так легко расстались с ней! В то время парадокс был

вполне объясним. Однополярная система международных отношений, с лежавшей в основе идеей либерализма и демократии, в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века обретает реальность. И для всех балканских народов, униженных и растоптанных войнами, включение в ЕС, в ряды тогдашней элиты и глашатаев либерализма, означало одновременно и признание, и желанное процветание. Однако постъюгославские страны оказались на своем европейском пути менее удачливыми, чем их центральноевропейские соседи³. Последние проходили трансформацию на волне обоюдного с Западом успеха, воодушевления, надежд. Процесс активного присоединения стран западнобалканского региона совпал с мировым экономическим кризисом, общим кризисом идей либерализма и, как следствие, появлением новых и возрождением старых международных игроков. Для постъюгославских республик, где всегда было велико разнонаправленное влияние внешних сил, это дополнительно осложнило обстановку.

Феноменально и то, что сегодня, несмотря на выход Великобритании из ЕС, неожиданно быстро развернувшийся каталонский сюжет, внутренние экзистенциальные проблемы объединения в целом, «полное членство в Европейском союзе — все еще привлекательная внешнеполитическая цель для политических элит и значительного сегмента населения во всех странах Западных Балкан... Быть членом ЕС все еще означает быть “нормальной” страной, не находящейся больше “в транзиции” и поэтому являющейся менее успешной, чем остальные. [Это происходит потому, что] трансформация в балканских странах — исключительно болезненный и сложный процесс, и в целом народ устал от нее. Но отказ в членстве в ЕС многие бы восприняли как лишение вознаграждения, как то, что все усилия оказались напрасными»⁴. К этому следует добавить и то, что для балканских политических элит формальный отказ от будущего членства в Евросоюзе как основной внешнеполитической цели (что пока очень сложно представить, поскольку большая часть сегодняшних элит является марионеточной для ЕС и США) — оче-

видный поворот в сторону открытого обострения международной конкуренции в регионе. Балканские политические элиты, с одной стороны, этого боятся, с другой — просто не хотят. Кроме того, при всем желании активизировать свою роль в Европе через заигрывание и совместные проекты с Россией, Турцией, Китаем, арабскими странами, Балканы по-прежнему остаются, скорее, объектом, чем субъектом международного влияния. Разнонаправленные усилия мировых игроков, полярные эмоциональные предпочтения в обществах, повсеместно нерешенные вопросы национального и государственного строительства, сложнейшая социально-экономическая обстановка во всех балканских странах (как членах, так и нечленах ЕС) превращают регион в крайне уязвимое и взрывоопасное звено европейской системы международных отношений. Именно поэтому политика, проводимая сегодня в регионе ЕС, и оказываемая, с одной стороны, очень невнятной в содержательном отношении, а с другой — направленной на вытеснение других международных сил, — чревата, в первую очередь, для самого ЕС. Она требует корректировки именно сегодня, когда, казалось бы, Евросоюз в большей степени должен посвятить себя решению насущных внутренних проблем. В противном случае, «европеизируя» Балканы, Европа вновь рискует «балканизироваться» сама.

Стратегия ЕС заключается, с одной стороны, в минимальном поощрении усилий, предпринимаемых западно-балканскими странами. Таким поощрением, при котором у балканцев напрочь не теряется интеграционный импульс, а европейцы не страдают материально. С другой, — в несостоятельных попытках «пожурить» отстающих (как в случае с БиГ), «надавить» без понимания, какие долгосрочные последствия для всей Европы могут иметь подобные шаги, на непокорных (к примеру, в отношении политического кризиса 2015–2017 гг. в Македонии), занять позицию, которую можно трактовать двусмысленно (как по вопросу создания Армии Косова).

Прежний еврокомиссар по вопросам расширения и политики добрососедства Штефан Фюле утверждал, что

расширение удастся только в случае реализации принципа «Четырех С»: доверие, состоятельность, обязательство и решимость (в английском языке — *credibility, consistency, commitment, courage*). Однако действительность свидетельствует о том, что именно этих «Четырех С» ЕС не достаает. Ни о каком доверии по отношению к новым кандидатам речи идти даже не может. «В общественном сознании европейцев Балканы остаются регионом чрезвычайно хрупким, опосредованным межэтническим противостоянием за территорию и власть, взаимоисключающими национализмами, незавершенным государственным строительством, глубоко укоренившейся коррупцией и абсолютной экономической несостоятельностью. Несмотря на это, европейские чиновники до сих пор произносят слово “Европа” так, будто это волшебная пилюля, способная излечить любые балканские болезни», — утверждает британский ученый-европеист Джон О’Бреннан⁵. Неудивительно, что опросы общественного мнения свидетельствуют о растущем скептицизме среди граждан ЕС относительно будущего расширения. Но, как ни странно, жители самих балканских стран от членства в Европейском союзе эйфории также не испытывают. Во всяком случае, стремление во что бы то ни стало интегрироваться в ЕС не настолько очевидно, как это было еще пять-семь лет назад. Хотя, как уже было сказано выше, оно остается основной целью и желанием. На референдуме в Хорватии перед вступлением страны в ЕС в январе 2012 г. «голосовали лишь 42% населения, и лишь 68% из них выразили поддержку интеграции. Против вступления выступили 31% хорватов... По некоторым данным, непосредственно накануне вступления менее половины (45,1%) граждан Хорватии приветствовали присоединение к ЕС, четвертая часть (25,6%) опрошенных была против интеграции, а остальные (26,6%) считали это событие одновременно и положительным, и отрицательным»⁶. Стабильно высоким, но столь же стабильно снижающимся выглядит рейтинг ЕС в других постъюгославских республиках. Так, на вопрос, как вы думаете, ЕС — «хорошо» или «плохо», поставленный в

2015 г., респонденты ответили следующим образом. Жители Албании и Косова практически единодушны в том, что ЕС — «хорошо» (84 % и 89 % соответственно). 41 % македонцев позитивно оценивают ЕС при 15% скептиков. А вот оставшиеся три государства (не принимая в расчет члена ЕС Хорватию) примерно одинаково распределили свои голоса между «хорошо» и «плохо»: в Черногории «за» — 35 %, «против» — 23 %, в Сербии «за» — 24 %, «против» — 27 %, Боснии и Герцеговине «за» — 30 %, «против» — 26 %⁷. Очевидно, что стабильно высокими рейтинги остаются только в Албании и Косове, для которых объединение в ЕС представляет собой либеральную альтернативу набирающим силу проектам реализации идеи объединения албанцев в той или иной форме. По мнению Димитра Бечева, подобная картина вырисовывается в западнобалканских странах и потому, что с позиций еврореализма они уже неотъемлемая часть ЕС. Жизнь в объединенной Европе для них, скорее, неизбежность. «Со всех практических точек зрения Балканы — уже часть ЕС, одного из рынков, которые Ян Зелонка описал как “неосредневековую империю”. После вступления в 2007 году Болгарии и Румынии регион окружен ЕС. Четыре государства — члена ЕС играют доминирующую роль в торговле: Германия, Италия, Австрия и Греция»⁸. Сегодня к ним присоединилась и Хорватия. То же можно сказать и про финансовые потоки, и про банковский сектор. Получается, что вопрос доверия со стороны европейцев к балканским соседям нагнетается во многом искусственно. Их принятие в единую европейскую систему во многом уже произошло (как, например, в случае со свободным передвижением граждан большинства балканских стран внутри ЕС).

Значительно более серьезной проблемой и для ЕС, и для постъюгославских республик является отсутствие второго «С» по Фюле — состоятельности. ЕС стал экспортером экономического кризиса на Балканы, и без того ведущие борьбу за выживание. По меткому выражению Д. Бечева, «интеграция — палка о двух концах для Западных Балкан: в хорошие времена европейское “ядро” экспортиро-

вало свое процветание на юго-восточную “периферию”; но сейчас, в кризис, оно экспортирует нестабильность»⁹. Очевидно, что чем ближе балканские страны на своем пути к членству в ЕС, тем больше их экономика, завязанная на общеевропейскую, становится уязвимой под давлением внешних воздействий. Серьезную озабоченность вызывают банковская и финансовая системы стран Юго-Восточной Европы. Ни одна из стран, кроме Албании, не имеет своей свободно плавающей валюты. В Черногории действует евро. Македонский и сербский динары де-факто также привязаны к европейской валюте. Боснийская конвертабельная марка обращается под контролем немецкого регулятора. Корни балканского банковского сектора — в Вене, Франкфурте, Афинах и Милане. И поэтому когда европейская банковская система дала крен, на Балканах тут же взлетели ставки кредитования. Упал объем прямых иностранных инвестиций. Еще сильнее обострилась проблема безработицы. По официальным данным, в среднем на Балканах она составляет 24–28%. Однако, если взять самую активную группу населения — людей в возрасте от 18 до 55 лет, то, к примеру, в Боснии и Герцеговине безработным оказывается каждый второй. В Косове процент еще выше. При этом «ни у одной из сегодняшних стран-кандидатов нет сильного “спонсора” в ЕС, что отличало ситуацию с присоединением Хорватии и германским “участием”, или греческим финансированием интеграции Кипра»¹⁰. В подобной экономической ситуации и с учетом собственных сложностей экзистенциального характера «ЕС должен реалистичнее подходить к выдвиганию новых требований. Необходимо сконцентрироваться на относительно небольшом числе критически важных реформ, а не строить Леголенд все новых и новых запросов, которые в итоге могут уничтожить проевропейские силы в странах-кандидатах»¹¹.

То, что кажущееся выполнение всех критериев и даже многолетнее членство в ЕС могут не спасти от краха, свидетельствует пример Греции. Для Западных Балкан он особенно важен и показателен. Ведь Греция — это и мо-

дель интеграции, и еще в совсем недавнем прошлом ее последовательный проводник для стран Юго-Восточной Европы.

Греция была для балканских государств примером того, как южноевропейская страна может стать членом ЕС, проводить успешную политику реализации своих национальных интересов внутри объединения, играть позитивную роль в осуществлении внешней политики (в том числе, направленной на включение в состав ЕС Западных Балкан). Именно в Салониках в 2003 г. для всех сегодняшних стран-кандидатов из Юго-Восточной Европы открылся диалог о будущем членстве. «Вдобавок на Салоникском саммите 2003 года было принято решение о потенциальном предоставлении странам безвизового режима со странами Шенгенского соглашения, что имело огромный эффект для граждан региона»¹². Все эти решения были проведены в жизнь при непосредственном участии Греции во время ее председательства в ЕС в 2003 г. Примерно того же уровня лоббирования ожидали западнобалканские страны от Греции в 2014 г. Однако жизнь сложилась несколько иначе. Вопросы расширения не были включены в приоритетную повестку председательства, что первоначально разочаровало всех балканских лидеров. Однако и в этот раз Греция пыталась максимально содействовать приближению Балкан к членству. Так, именно во время греческого председательства 24 января 2014 г. Сербия открыла переговоры о членстве. При содействии Афин в период с января по июнь 2014 года с Черногорией было открыто пять новых глав *acquis*. Кроме того, греки начали признавать шенгенские визы в паспортах граждан Косова, что само по себе знак того, что Греция готова (или вынуждена под давлением партнеров по объединению) сотрудничать и с этой частично признанной республикой. Наконец, именно в период председательства Афин Албании был предоставлен статус кандидата.

Но это позитивная сторона греко-балканского сотрудничества. Если рассматривать ситуацию в другом ключе, то выясняется, что греческий кризис наложил огромный

отпечаток на весь балканский регион. Во-первых, снизилась интенсивность торговых отношений¹³. А ведь торговые отношения с Албанией, Черногорией, Македонией всегда были тесными. По средним оценкам, экспорт данных балканских стран в Грецию варьируется в диапазоне 12–16% от общего. Греческий банковский сектор — самый объемный из числа европейских на Балканах. В Македонии он составляет около 30% рынка, в Албании — 25%, а в Сербии — 15%. При этом совместно с итальянскими банками греки контролируют примерно половину банковского сектора Балкан¹⁴.

Другим эффектом греческого кризиса стало «стремительное снижение объема поступлений, приходящих на Западные Балканы от балканской диаспоры. Греческая катастрофа — безработица — спутала карты рабочих-мигрантов. Рабочие из Албании, Болгарии, других республик стали жертвами экономического коллапса. Значительное число мигрантов вернулись в свои страны, спровоцировав дальнейший рост безработицы и усиление давления на хрупкие социальные системы теперь уже у себя дома. Падение объема поступлений от диаспоры ударило по валютному резерву стран, среднесрочному бюджетному планированию и финансированию текущего бюджетного дефицита... Примерно 600.000 албанцев жили и работали в Греции, принося около 650 млн евро (около 8% ВВП Албании (данные за 2009 год). Коллапс греческого строительного сектора, где было занято большинство албанцев, имел негативный эффект как на микроуровне (семейные бюджеты), так и на макро (доходы албанского правительства)»¹⁵.

Наконец, самое главное: в политическом отношении Греция перестала быть и ориентиром, и успешным посредником между Брюсселем и балканскими столицами. Более того, то, каким образом греческий взрыв был подавлен внутри ЕС, ярко демонстрирует, на какое место могут претендовать балканские страны внутри объединения. Невольно возникает вопрос: если за три десятилетия своего членства в ЕС Греция не смогла вылечить все свои

пороки, то как можно ожидать, что страны Западных Балкан способны провести схожие структурные реформы, тем более в условиях изменившегося отношения к интеграции самого ЕС, ограниченных финансовых ресурсов и фактора непопулярности требующихся мер среди населения?

Третья составляющая успеха проекта «Западные Балканы в ЕС» по Штефану Фюле — обязательство. Все в большей и большей степени регион Западных Балкан рассматривается не сам по себе, а в контексте проблем безопасности. В этом отношении, как показала практика, важность Македонии и Сербии ничуть не меньше, чем Хорватии или Словении, уже являющихся членами ЕС. Например, доказывая свою лояльность, сербы в ходе миграционного кризиса взяли на себя обязательства несравнимо большие и тяжелые, чем многие страны-члены ЕС. В обмен на это сербское государство получило только бюрократические «морковки» — открытие следующих переговорных глав по вступлению в ЕС, а Македония и вовсе оказалась в пучине внутривосточного кризиса.

Наконец, последнее «С» — решимость. В случае с этой составляющей возникают серьезные сомнения. Решимость ли необходима в регионе, где не решена ни одна из проблем, в сущности приведших к гражданским войнам конца XX века? Скорее, речь должна идти о политической мудрости, взвешенности. О том, что они отсутствуют, свидетельствуют примеры Боснии и Герцеговины и откровенное попустительство со стороны евроатлантических партнеров попыткам албанцев де-факто перекроить национальные границы в регионе.

Так, все чаще и чаще спустя двадцать лет после заключения Дейтонского мира лидеры боснийских сербов, мусульман и хорватов говорят о том, что он оказался абсолютно искусственной надстройкой, за счет которой не удалось ни построить функционирующее государство, ни по-настоящему примирить народы. «Примечательно, что Республика Сербская сегодня оперирует теми же аргументами и занимает похожие позиции, как это делали Словения и Хорватия в Югославии. Второй по величине народ

постоянно стремится к децентрализации, большей автономии... Это будет продолжаться, поскольку это не позиция отдельных руководителей Республики Сербской, а системный результат. Парадоксально, но кажется, что если бы ЕС предложил членство только целой Боснии и Герцеговине, то это привело бы еще к большим сепаратистским устремлениям в Республике Сербской. Здесь уместна историческая аналогия: словенский сепаратизм усилился именно тогда, когда Европейские сообщества начали переговоры с Югославией о гипотетическом членстве. Словенцы тогда сказали: «Хотим в Европу, но не в границах Югославии». Ведь если бы они вступили как часть Югославии, их шансы на выход из нее хоть когда-нибудь оказались бы равными нулю»¹⁶. Если следовать данной логике, то очевидно, что представления и местных лидеров, и самого ЕС о том, что факт вступления западнобалканских стран в Союз может поставить точку на обсуждении экзистенциальных проблем развития региона, не имеют под собой реальных оснований. За двадцать лет ЕС, располагая множеством инструментов влияния, — от политических до финансовых — не смог разрешить ни одно из противоречий Боснии и Герцеговины. Оказался не в состоянии обеспечить не только имплементацию, но и даже принятие решений по ключевым для себя вопросам (как, например, с конституционной поправкой Сейдич-Финци). К сожалению, это вопрос не решимости, а отсутствия системного видения ситуации.

То же самое происходило в случае с политическим кризисом в Македонии. На витке его разгорания, весной 2015 года, ЕС сначала вообще не отреагировал на происходящее, потом обнаружил ничтожность собственного авторитета в стране, когда не смог самостоятельно усадить за стол переговоров представителей власти и оппозиции и был вынужден привлечь для этого США. После состоявшихся в декабре 2016 г. внеочередных парламентских выборов занял крайне опасную для Европы в целом политическую позицию. Суть ее заключалась в формальной поддержке избирательного закона Македонии. В со-

ответствии с ним, македонская оппозиция, заключившая коалицию с тремя албанскими партиями, имела право на формирование кабинета, но не получила соответствующий мандат от президента Георгия Иванова. Причины поведения президента понятны. В январе 2017 г. албанские партии при непосредственном участии Тираны приняли «Албанскую платформу», в соответствии с которой выдвигались требования о предоставлении албанскому языку статуса государственного в Македонии, облегчении трансграничного режима с Косово и Албанией и ряд других. Параллельно запущен и вопрос формирования Армии Косова. Очевидно, что этот блестящий и своевременный (в момент смены власти в США) маневр албанцев ведет к фактическому созданию Великой Албании, решению «македонского» вопроса по существу. Перспективное отделение албанцев в том или ином виде от остальной Македонии неизбежно повлечет за собой усиление Болгарии и желанную сегодня коллективным Западом нейтрализацию России в последней. Однако одновременно это не может не привести к параллельным процессам в Боснии и Герцеговине, где Республика Сербская непременно получит российскую поддержку, а хорваты, наконец, дождутся обещанного Загребом еще в 90-е годы XX века воссоединения. Во всяком случае, со стороны официально Загреба все громче звучит запрос на создание хорватской автономии в БиГ. Кроме того, воплощение албанской идеи создаст прецедент для других европейских народов и окончательно надломит основу действующей международно-правовой системы — Хельсинкские соглашения. То, что подобная ситуация в Европе может устраивать некоторых международных игроков, допустимо. Однако, может ли такой сценарий удовлетворять интересам самой Европы? Разумеется, нет. Соответственно, решимость, если следовать Ш. Фюле, должна состоять в том, чтобы признать неудачи самостоятельной балканской политики ЕС, а также ответственно и системно подойти к решению проблем данного пространства, от чего будет зависеть и будущее Европы в смысле безопасности, и будущее ЕС как взвешенной,

идейной геополитической силы, которой, действительно, не хватает миру и о которой мечтает сам Союз.

Пути оптимального развития Западных Балкан

С одной стороны, анализ текущего положения дел в балканском регионе под углом зрения интеграции в ЕС и ее безальтернативности наталкивает на вывод о том, что интеграционная политика Евросоюза на данной территории столкнулась с рядом сложно преодолимых проблем, а потому эффективна лишь отчасти. Некоторые усилия, безусловно, являются очень важными. К ним относится, например, попытка сконцентрироваться на проблемах верховенства закона. Также разработаны интересные механизмы того, как сохранить диалог и интеграционный импульс у стран, с которыми по тем или иным причинам прогресс невозможен. Однако та же политика явно породила и дополнительные проблемы. Все усложняющиеся схемы и критерии привели к тому, что процесс интеграции не ускорился, а, напротив, замедлился. Вместе с тем, следует признать, что никакими иными действенными факторами долгосрочной стабилизации региона международное сообщество сегодня не располагает. Более того, несмотря на все внутренние проблемы ЕС, пока его право на системное влияние на Балканах никем из влиятельных мировых сил не оспаривается. Однако дальнейшее ослабление ЕС в регионе неизбежно приведет к сверхконкуренции, что может иметь негативные последствия уже для самих Балкан. Поэтому, в первую очередь, ради стабильности и поступательного развития всей Европы, ЕС следовало бы изменить тактику в отношении других международных акторов, присутствующих на Балканах. Сегодня Евросоюз, обозначив Балканы своей внутренней зоной влияния, воспринимает других исключительно в качестве конкурентов. И действительно, «ЕС остается «безоговорочной силой» в регионе — даже для Сербии, считающей себя центральным звеном и проповедующей принцип «четырёх

столпов внешней политики” (ЕС, США, Россия и Китай). Когда ЕС надавил достаточно сильно, Белград безропотно согласился с требованиями в отношении Косова и подписал соглашение в обмен на статус кандидата. Но как только ЕС ослабляет давление, политический оппортунизм возвращается вновь. Противопоставление ЕС другим игрокам, одной страны-члена другой или же просто ведение игры на повышение ставок становится для местных политических элит самым рациональным выбором»¹⁷.

Это происходит, в первую очередь, потому, что ЕС пропустил момент, когда расклад внутри системы международных отношений стал меняться. Набрал обороты Китай. Вновь заявила о себе Россия. С прежней силой, но уже исходя исключительно из собственных интересов, включились в игру исламские страны. Это отразилось и на геополитическом раскладе внутри балканского региона. Появление России, Турции, Китая, арабских стран позволяют политическим элитам бывших югославских республик осуществлять небольшие, но неприятные для ЕС маневры, не меняя при этом общеевропейского фарватера.

Турция преимущественно эксплуатирует свои экономические и дипломатические возможности. Объем ее инвестиций сравнительно небольшой, но устойчивый. Объем торговых отношений Турции и балканских стран за десять лет вырос в шесть раз: с 2,9 млрд долл. США в 2002 г. до 17,5 млрд долл. в 2012 г.¹⁸ Год от года усиливаются ее позиции среди мусульманского населения Балкан. Турки делают ставку на культурную и религиозную общность, на то, что Турция, по сути, — часть Балкан. В общем турецкая политика не противоречит на сегодняшний день той, что проводит ЕС. Однако для очень многих уже в самом ближайшем будущем, с одной стороны, Турция может оказаться моделью. Страной, которая и без членства в ЕС смогла стать влиятельной и в целом преуспевающей. Это особенно актуально для мусульманской части Боснии, Албании, Македонии — стран, чье членство в ЕС на современном этапе призрачно. С другой, религиозная радикализация Турции, внутренние проблемы, внешнеполи-

тический фактор очевидно имеют негативную проекцию и на балканскую политику, и на ценности, экспортируемые турками на Балканы.

Свою экономическую нишу на балканском рынке заняла и продолжает расширять КНР. Наконец, и Россия вернула рычаги экономического и политического влияния на Балканах. В первую очередь, это, конечно, энергетический сектор, присутствие в котором европейские партнеры активно пытаются нивелировать. Кроме того, Россия обладает определенным политическим влиянием в регионе. Оно может быть использовано как для стабилизации, так и для ответного расшатывания мира в регионе.

Для ЕС ситуация в регионе осложняется еще и тем, что традиционный партнер, США, в ряде стран имеет большее политическое влияние, чем Европа. Существует и Косово, «где США все еще играют определяющую роль и часто имеют более значительное влияние на правительство»¹⁹. Кроме того, как верно отмечает Деян Йович, «если ЕС не будет дальше расширяться, то такие страны, как БиГ, Македония, Албания и Косово все больше будут стремиться к США и от них требовать больших гарантий безопасности. Следует вспомнить 1990-е годы, когда Европа не сумела гарантировать мир в Боснии и Герцеговине, а США, и потому, что хотели, и потому, что были должны, оказались главным игроком в Боснии. Чем меньше ЕС, тем больше США. Так происходит с Албанией, которая в большей степени опирается на союзничество с США через НАТО, чем на ЕС»²⁰. Не стоит забывать и о том, что мир в данном регионе — де-факто результат политики США и преподносится, в первую очередь, как их успех, который европейцы не сумели в должной степени развить, поэтому ЕС вряд ли стоит ожидать, что балканский регион вновь, как это было в середине 2000-х годов, будет отдан США под контроль исключительно европейских партнеров.

Все вышеперечисленные международные акторы уже заняли определенные ниши. Вытеснить их — сложно и неоправданно, поскольку ни один из международных игроков даже сейчас, в условиях кризиса ЕС, не имеет своей

целью проведение альтернативного европейскому курсу на Балканах. В этом бессмысленно и недальновидно уличать Россию (чем активно занимаются западные партнеры в последние годы), которая на протяжении всех лет после распада СССР воспринимала Балканы в качестве связующего с Европой звена, а свое возвращение, прежде всего, экономическое видела в концепции перспектив выхода на рынок ЕС.

Европейский союз же сам по себе успешен тогда, когда он — драйвер перемен, роста и развития. В сложившейся экономической и политической ситуации, в сложнейшей международной обстановке этот механизм можно запустить через разумное подключение других внешних игроков. В реализации проекта совместной стабилизации Балкан. В частности, «ЕС должен инвестировать больше в региональные инициативы с Турцией, которые могли бы дать импульс новому потенциалу роста, привлечь инвестиции, увеличить конкурентоспособность...»²¹.

Дальнейшее стремление Запада к изоляции России для Балкан может иметь разные последствия. У сегодняшней России нет разработанных альтернативных проектов в регионе: Балканы, пусть и важный, но все же второстепенный сюжет во внешней политике страны. Но ее поведение на международной арене, декларируемые принципы сами по себе выглядят привлекательно для значительной части балканских стран. В этом отношении на руку России играют общественные настроения в постъюгославских республиках, население которых однозначно восприняло Крымскую операцию 2014 года как верный признак возрождения России. ЕС целесообразно вновь вернуться к идее сотрудничества с Россией. По крайней мере, в пределах Балкан, крайне взрывоопасных и при этом стратегически не могущих стать камнем преткновения для международных игроков. ЕС заинтересован в стабильности региона. Она во многом сегодня зависит от поведения российской элиты. Россия готова пойти в регионе на ряд компромиссов, поскольку, с одной стороны, это зона традиционного присутствия и уход из нее неприемлем, а

с другой — здесь нет столь острых российских интересов, как, например, на пространстве бывшего СССР. В современных условиях, прежде всего, компромиссы могли бы быть найдены в отношении Республики Сербской. Именно российская сторона способна оказать необходимое влияние на ее политическую элиту и, тем самым, обеспечить поиск вариантов для нормального развития государства. В обмен ЕС мог бы предложить приемлемые условия экономического и энергетического сотрудничества, отказ от которого был сделан исключительно в пользу одного члена ЕС — Германии.

Подобный подход всецело отвечает и интересам безопасности в Европе. Сейчас внутри ЕС активно обсуждаются различные варианты перехода к многоскоростной Европе, при котором арьергард ЕС не мешал бы Германии и другим евроцентристским силам строить более сильное и единое интеграционное объединение из ограниченного количества государств-членов. Страны Западных Балкан в этой связи пытаются убедить в том, что от подобного подхода они только выиграют — так удастся быстрее вступить и, соответственно, достичь обещанной электорату цели. В действительности очевидно, что положение в регионе от этого не улучшится. Скорее всего, все обозначенные внутренние проблемы только обострятся, поскольку влияния на развитие ЕС данные государства не получают; внешние же игроки будут еще в большей степени ограничены в том, чтобы способствовать стабилизации и ускоренному экономическому развитию. Для Западных Балкан многоскоростная Европа, увы, не выход, а западня.

Наконец, подключение других внешних игроков к европейскому проекту на Балканах выхватило бы у местных политических элит их традиционный исторический козырь — привычку перебегать с одной стороны на другую. Совместная стратегия международных игроков просто исключает подобную возможность, а ее отсутствие, как и обостряющаяся конкуренция, в сегодняшних условиях неизбежно порождают внутрирегиональную нестабильность.

Остается вопрос, почему международное сообщество должно быть заинтересовано в таком сценарии. Войны в Сирии и на Украине, повсеместный в Европе кризис либерализма, пренебрежение основами международно-правового порядка и усиление международной конкуренции в целом свидетельствуют, что прежних геополитических и идейных парадигм больше нет. Мир оказался перед вызовами, от достойного и ответственного ответа на которые зависит его мирное будущее. Неопределенность будущего балканского региона опасна, потому что «Балканы всегда были регионом, где накапливалась энергия “пороховой бочки”. Балканы прошли этап турбулентных геополитических сдвигов. Балканы — рубеж трех цивилизаций: западноевропейской, восточноевропейской и азиатско-мусульманской. От решения насущных проблем народов, населяющих этот особый регион, зависят стабильность и безопасность складывающегося многополярного мира»²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Jovic D. 1989: GODINA KOJA NAM SE NIJE DOGODILA. Političkamisao. 07.12.2014. <http://politickamisao.com/1989-godina-koja-nam-se-nije-dogodila/>.

² Ibidem.

³ См., к примеру: Буланникова Ю.А. Региональное сотрудничество как инструмент европейской и евроатлантической интеграции стран Юго-Восточной Европы // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016. С. 130–143.

⁴ Jovic D. Instead of Enlargement, «Restern Balkans» in Consolidation // European Western Balkans. 2015.29.07. <http://europeanwesternbalkans.com/2015/07/29/instead-of-enlargement-restern-balkans-in-consolidation/>.

⁵ O'Brennan J. Enlargement Fatigue and its Impact on the Enlargement Process in the Western Balkans // Reports of London School of Economics. 2015. № 18. P. 37. <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR018/OBrennan.pdf>.

⁶ Соколова П.С. Влияние кризиса на политику расширения ЕС: Западные Балканы // Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты). М., 2013. С. 40.

⁷ Balkan Barometer 2015. Public Opinion Survey. Analytical Report, Regional Cooperation Council Secretariat. Sarajevo. 2015. P. 45.

⁸ Bechev D. The periphery of the periphery: the Western Balkans and the Eurocrisis // European Council on Foreign Affairs. 2012. August. P. 3.

⁹ Ibid. P. 1.

¹⁰ Jovic D. Instead of Enlargement...

¹¹ Ibidem.

¹² Koktsidis P, Armakolas I., Maksimovic M., Feta B. The Western Balkan EU Accession Process and the Greek Presidency 2014 // ELIAMEP. 2014. August. P. 47.

- ¹³ Подробнее о греко-балканских экономических отношениях см: *Panagiotou R., Valvis A.* How is the sovereign debt crisis affecting Greece's relations with the Balkan countries and Greece's standing in the region? An initial impact assessment // ELIAMEP. 2014. May. <http://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2014/07/eliamep.pdf>.
- ¹⁴ *O'Brennan J.* Op. cit. P. 41.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ *Jovic D.* BiH je globalno pitanje koje male zemlje u okruženju ne mogu riješiti // FENA. 2017. 01 Februar. <http://www.6yka.com/novost/120211/dejan-jovic-bih-je-globalno-pitanje-koje-male-zemlje-u-okruzenju-ne-mogu-rijesiti>.
- ¹⁷ *Bechev D.* Op. cit. P. 8.
- ¹⁸ *Kutuk D.* Deepening relations between the Balkans and Turkey: Economic growth and patterns of development // Foreign Policy News. 2015. 11 May. <http://foreignpolicynews.org/2015/05/11/deepening-relations-between-the-balkans-and-turkey-economic-growth-and-patterns-of-development/>.
- ¹⁹ *Bechev D.* Op. cit. P. 7.
- ²⁰ *Jovic D.* BiH je globalno pitanje koje male zemlje...
- ²¹ *Bechev D.* Op. cit. P. 9.
- ²² *Примаков Е.* Балканы и современный мир // Независимая газета. 24.10.2011. http://www.ng.ru/ideas/2011-10-24/9_balkany.html.